
Полина Мозжухина
ТРОПИНКИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
18+

Полина Мозжухина

Тропинки для человечества

https://litres.ru/74716179
SelfPub; 2026

Аннотация

Бортовой врач Генри Картер летит с командой ученых на новую планету. Их цель, выяснить пригодно ли это место для колонизации. Их встречают лишь пыль, скалы и черные ленты рек. После высадки команда сталкивается с необъяснимым: люди испытывают странные желания, приступы апатии и агрессии. Сможет ли Генри понять, что происходит на самом деле? И по каким тропинкам памяти ему придется пройти?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
***	14
Глава 2	16
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Полина Мозжухина
Тропинки для человечества

Полина Мозжухина
ТРОПИНКИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Пролог

Канун Рождества выдался снежным. В пригороде обещали серьёзные пробки. К счастью, мы с Брюсом выехали рано и надеялись избежать возможных затруднений. Так и получилось: машин встречалось мало. Каждый год мы возвращались домой этой дорогой: сначала из университета, а позже из клиники, где практиковались и работали.

Здешние виды прекрасны в любое время года, но зимой — особенно. Первые холода дарят долгожданный покой и умиротворение. Почти весь путь лежит через горы, поэтому дорога частенько петляет. По обе стороны от шоссе чернеют высокие смоляные ели. Осыпанные утренним снегом, они хранят особенную, осязаемую тишину.

— Как будто на каникулы едем, — с ностальгией заметил Брюс.

— Это точно, — отозвался я. — Лет пять уж так. Какие планы на Рождество?

— Да особо никаких. Сходим с Джесс в кино, как обычно. Утро, кофе и хороший фильм, все как она любит. Может, заглянем в бистро на Шестой авеню. Там подают отличные тако с вялеными помидорами. Пальчики оближешь! Джесс их просто обожает. Потом поедем к родителям. Праздник — не праздник без маминого пирога.

— Помню-помню, — улыбнулся я. — С яблоками и брус-

никой.

— Точно. Сам-то чем займёшься?

— Пока не знаю. Смастерю простенький ужин, выпью пару банок пепси и лягу спать. Я зверски устал за последнее время. Много работы, постоянно засиживаюсь допоздна. Пора бы и отдохнуть немного.

— Сколько осталось написать?

— Ты про статьи? Штуки три-четыре. Моя бы воля — замахнулся бы и на монографию, но пока осваиваю малый жанр, так сказать.

— Здорово, Генри. Всё ещё впереди, я уверен. Главное, не сдаваться. — Брюс похлопал меня по плечу. — Наметится свободный вечерок — заходи к нам. Посидим, поболта…

Резкий удар не дал ему договорить. Машину занесло. Я рванул руль в другую сторону, но это не помогло — наледь и скорость не оставили нам шансов. За несколько секунд до второго удара я увидел, как перед нами выросло огромное дерево. А потом наступила темнота.

Не знаю, сколько я был в отключке, а очнувшись, не сразу понял, что машина горит. Сзади шёл жар, лицо заливала кровь. Вытерев её рукавом куртки, я посмотрел на пассажирское сиденье. Брюс был без сознания, голова разбита. Удар пришёлся с его стороны. Переведя взгляд ниже, я с ужасом понял, что его ноги зажаты. Затем надавил на сиденье в попытке отодвинуть его, но ничего не вышло. Мне надо было выбираться. Срочно.

Я попытался открыть водительскую дверь. Замок заклинило. Должен быть другой выход. Несмотря на разливающуюся в груди боль, я потянулся вперёд и попробовал выбить стекло. Удар. Ещё один. Ещё. Только теперь я почувствовал, что у меня сломана рука и, скорее всего, несколько рёбер. Боль накатила так резко, что у меня потемнело в глазах. Отключиться снова — означало погибнуть. Я сделал несколько глубоких вздохов. Звон бьющегося стекла окончательно привёл меня в чувство.

Закашлявшись, я пополз вперёд. Дым резал глаза, в горле саднило, мне нужен был воздух. Выбравшись из машины, я оглянулся. В сотне метров позади на дороге виднелись следы камнепада. Помощи ждать бессмысленно, мы были одни. Вновь забравшись на капот, я попытался вытащить Брюса, но у меня не получилось. Левую руку разрывала боль. После нескольких бесполезных рывков я попробовал открыть его дверь, но лишь тщетно дёргал за ручку: механизм заело. Становилось жарче. Я всё понимал: счёт шёл на минуты. Кровь смешалась со слезами. Словно одержимый, я рыдал и колотил в дверь, надеясь вытащить друга.

Силы покидали меня. Время словно остановилось, сквозь жар и пот я увидел, как Брюс приоткрыл глаза. Несколько секунд он смотрел на меня, не понимая, что происходит. Казалось, прошла вечность. В один миг его взгляд изменился. Я увидел страх. Выбив стекло, я впустил смерть: получив приток кислорода, огонь разгорался с новой силой. Брюс дёргал-

ся и извивался, пытаясь освободить ноги. Мы оба понимали, что он в ловушке. Пламя подобралось сзади, высвечивая силуэт своей жертвы. Мой друг стал похож на хрупкую восковую фигуру.

Огонь охватил кресло. Несколько раз Брюс ударил по стеклу, оно треснуло, а потом он вдруг перестал сопротивляться. Резко выпрямившись, он замер, словно мы просто ехали дальше, и посмотрел мне в глаза. Я почувствовал запах горящей плоти. Глотая кровь, гарь и слёзы, я задыхался, всё ещё сжимая ручку двери. Мой друг горел заживо. Его лицо застыло, но пот и кровь, застившие глаза, не могли убить их ясности и теплоты. Эти несколько секунд он смотрел на меня и всё понимал. Его губы шевелились, но слов я не слышал. Время вышло. В ужасе я отвернулся и побежал прочь.

Огонь зашипел сильнее. Раздался взрыв — волна горячего воздуха ударила мне в спину.

Глава 1

Есть сны, что становятся частью жизни. Словно любимый фильм, который трепетно пересматриваешь из года в год. Мой сон был другим. С момента аварии прошло двадцать два года, а я до сих пор вижу, как шевелятся его губы. Пытаюсь прочесть. Перематываю кадр за кадром. Боюсь прочесть. Боюсь понять. Мои лёгкие горят. Я вновь отвожу взгляд. Отворачиваюсь. Бегу.

И просыпаюсь.

Мы бодрствуем уже четыре дня, а меня до сих пор мутит по утрам. Я не выношу крио-сон именно за это, но есть и плюс: в капсуле ты спишь без сновидений, а значит, и без кошмаров, чего не скажешь об обычных ночах на узкой койке. Что ж, быстро встать не получится. Я лежу, смотрю в потолок и медленно считаю про себя в попытке перетерпеть сжавший желудок спазм. Едва уловимый гул оборудования приводит мысли в порядок. Сон тускнеет, теряет краски, растворяется в привычно-белом свете ламп. Пятый день без капсулы и второй год полёта. Время летит быстро.

Через несколько минут мне становится легче, я встаю и иду к раковине. Вода теплая и словно чуть гуще, чем на Земле — все из-за действия искусственной гравитации. В космосе быстро ко всему привыкаешь. Он дрессирует людей, как послушных собачек. За три-четыре фазы бодрствования мы

легко разучиваем команды. Приведя себя в порядок, я быстро одеваюсь. По расписанию время завтрака.

Я выхожу в коридор, узкой лентой связывающий восемь кают, столовую, медицинский отсек, мостик и комнату отдыха, переоборудованную в небольшой спортивный зал. По правде говоря, сам корабль меня мало интересует. Я врач, и моя задача состоит в том, чтобы все долетели и улетели в целости и сохранности. По пути в столовую я встречаю нашего инженера, Макса. Как полагается инженерам, этот худощавый, высокий молодой человек встаёт рано и проверяет все бортовые системы.

— Доброе утро, — здороваюсь я.

— Доброе, Генри, — отвечает Макс, машинально поправляя квадратные очки на узкой переносице. — Как спалось?

— Для четвертой ночи без капсулы — неплохо, — вру я и иду дальше.

Никто на борту не знает о моих кошмарах. Точнее, о кошмаре. Космос не место для психотерапии. Последней мне на две жизни хватило на Земле. Блуждать в чужой голове посреди звёзд не лучшая идея, слишком легко свернуть не туда. Здесь нужно иметь выдержку и хладнокровие, да и я давно научился жить с тем, что произошло.

Передо мной открываются двери в столовую. Я не очень-то люблю бывать здесь, слишком уж шумно. Время раннее, и сейчас, кроме меня, тут только пара учёных. Молодые люди болтают о чём-то в уголке, и я, пожелав им доброго утра,

прохожу мимо и сажусь за столик у иллюминатора. Питер и Тина поженились за полтора месяца до полёта. Наша миссия стала для них сродни свадебному путешествию. Как по мне, странный выбор — бороздить космос, вместо того чтобы расслабиться где-нибудь на Ямайке, но молодость границ не ведает. Тина — хорошая девушка, умная и образованная, да и Питер с его пытливым взглядом мне весьма симпатичен.

Через несколько минут двери открываются снова: в столовую входит капитан. С Моррисом я летаю уже второй раз. Он носит капитанский значок больше пятнадцати лет — достаточный срок, чтобы стать профессионалом, что нас и роднит. Так что мы близки не только по возрасту. Моррис здоровается, берет стакан сока, сэндвич и садится недалеко от меня. Следом появляется Макс. Он явно не голоден, бодро кивает остальным и подсаживается к капитану. Краем уха я слышу, как они обсуждают план высадки. Даже за завтраком эти двое думают о работе. Капитан — есть капитан, а для Макса космос — дом родной, он летает всю жизнь, поэтому и о работе говорит всегда и везде. Порой, правда, сам с собой, к чему все, кажется, уже привыкли.

Громкие голоса в коридоре заставляют меня отвлечься от невольного подслушивания. Капитан бросает быстрый взгляд на дверь. Наши пилоты, близнецы Джейк и Джон, вваливаются в столовую, споря об изменении вкуса сырного соуса в космосе. Природа ребят не обделила: оба в хорошей физической форме, коренастые и рыжеволосые. И оба же

частенько болтают без умолку, перекидываясь шутками обо всем подряд. Правда, Джейк, как по мне, шутит острее.

— Всем привет, — прерывает сырную баталию с братом Джон.

— Приветствую всех, — салютует Джейк.

— Ещё спите, сурки? Скоро на посадку. Мы с братом постараемся, чтобы не сильно трясло, — перебивает его Джон.

— И тебе не хворать, Джон, — вступает в разговор Питер. — Уверен, посадка пройдёт мягко.

— Лучше бы без лишней качки, — соглашается страдающая морской болезнью Тина. — И так второй год трясёт.

— У всех тут есть страховка, Питер, не переживай. Но мы постараемся выполнить вашу просьбу, мэм, — кладя на тарелку тосты, кланяется Тине Джейк. — А остальные где?

— Ты про Линду и Вики? — уточняет Питер.

— Так точно, «капитан», — отвечает Джейк, выделяя последнее слово и добавляя к тостам стакан молока.

— Наверное, спят, — пожимает плечами Питер. — Вчера мы ещё раз сверялись с количеством запланированных образцов и контейнеров. Вот и засиделись. Завтра первая высадка — будет не до подсчётов, лишнего времени у нас нет.

— Любите вы, учёные, всё по полочкам раскладывать да перепроверять, — улыбается Джон. — Слава богу, наша с Джейком работа и до завтра подождёт.

— Я бы не был так уверен, — словно обращаясь к самому себе, говорит Макс, — нам тоже стоит ещё раз всё проверить.

— Макс прав, — вступает в разговор Моррис. — Согласно протоколу, все системы корабля должны быть в рабочем состоянии. Готовимся к первой высадке. Подробности на мостике. Жду всех. Инструктаж через два с половиной часа.

— Так точно, капитан, — кивнув Максу, хором отвечают братья.

***

Допив кофе, хотя местный напиток имеет с настоящим кофе мало общего, кроме цвета, я возвращаюсь в каюту. Нужно заполнить документы. Каждый цикл бодрствования я пишу отчёт о состоянии экипажа и отправляю его на Землю.

Выйдя в коридор, я решаю прогуляться к иллюминатору. Мне нравиться смотреть на звезды в их своенравном молчании. У иллюминатора я замечаю капитана. Он, как и всегда, стоит, заложив руки за спину, и неотрывно смотрит в бесконечную пустоту перед собой. Ему немногим за пятьдесят. Первая седина уже тронула виски, но взгляд не потерял живости и зоркости. Моррис держится ровно. Я в нем уверен. В наш первый полёт на борту случилось возгорание, что практически всегда грозит гибелью, но Моррис не спасовал: он сам, вручную, отключил повреждённый отсек, не пустив туда инженера. Мы все успели испугаться, но только не капитан. Он своё дело знает — команда превыше всего. Его спокойствие и опыт ведут за собой экипаж. Морриса любят, слушаются и уважают.

— Капитан, — ещё раз здороваюсь я.

— Рад видеть тебя, Генри. — Моррис протягивает мне ладонь. — Как настроение?

— Неплохо. — Я отвечаю рукопожатием. — Жду не дождусь твёрдой земли, так сказать.

— Всё ещё не привык к космосу?

— Не то, чтобы не привык. Просто устал от полёта.

— Бывает. Когда много летаешь — это чувство притупляется. Ещё пара таких вылазок, и ты привыкнешь.

— Я надеюсь.

— Как экипаж? — аккуратно меняет тему капитан.

— Все в норме. Братья шутят, учёные перебирают свои пробирки. Макс бродит туда-сюда, как привидение. К обеду я загружу отчёт в главный компьютер.

— Хорошо. — Моррис улыбается. — Отчёты оставим для Земли. Тут у нас за человеком смотрит человек. Приглядывай за ними, Генри. И до встречи на мостике.

— До встречи.

Капитан разворачивается и идёт дальше по коридору. Задумавшись, я продолжаю смотреть в иллюминатор — космос молчит.

За человеком смотрит человек.

Глава 2

Закончив с отчётом, я хочу немного почитать. Личных вещей в космос разрешается взять не так уж и много, не больше двух кубических метров на человека, но для пары-тройки хороших книг места не жалко. В свою первую миссию четыре года назад я готовился как Робинзон Крузо, хотя наш «остров» находится в пределах Солнечной Системы. Со мной летели справочник по космическим болезням, брошюры по ботанике и даже карта звёздного неба. Последнее мне бы и не понадобилось, но я человек старой закалки и привык доверять бумаге. Теперь же я отдаю предпочтение настоящим книгам, а не испещрённым таблицами и цифрами справочникам. Компанию мне составляют Джек Лондон и Эрнест Хемингуэй. Первого я люблю за честность, а второго за лаконичный стиль.

Я беру «Мартина Идена» с небольшой полки над кроватью и продолжаю читать там, где закончил. Книга увлекает, время пролетает незаметно. Да и чем ещё заняться, пока болтаешься в космосе? Есть время перечитать любимые истории, примерить их. Ещё несколько часов — и свободное время кончится. После высадки мы будем всецело принадлежать новому месту, читать будет некогда, поэтому я с удовольствием отдаю время на борту хорошей книге. Оставив позади почти семь глав, я возвращаю том на место и начи-

наю собираться. Пора идти на инструктаж.

Встав с кровати, я потираю предплечья — что-то сегодня прохладно. Я захватываю с собой куртку и выхожу в коридор. По пути меня догоняет Джейк. Вместе миновав комнату отдыха, мы идём на мостик.

— Как чувствуешь себя перед вылетом, Джейк? — интересуюсь я. — Наверное, не терпится сесть «за руль», если можно так выразиться.

— Что есть, то есть, — радостно отзывается юноша. — Устал поглядывать за автопилотом. Меня от этого клонит в сон. Надеюсь, что первым полечу я, а не Джон. В этом деле мы с детства соперники.

— Соревнуетесь в количестве вылетов?

— Ага. И не только. Проверяем друг друга на прочность. Джон всегда хочет быть первым, но я никогда не уступлю.

— Вы всегда вместе, по вам и не скажешь, что вы как-то там соревнуетесь. — Я немного наигранно пожимаю плечами. — Но рад, что с нами такие увлечённые ребята.

— Спасибо, док, — улыбается Джейк. — Если я полечу первым, то зайду к вам сегодня на осмотр.

— Договорились, — киваю я и пропускаю Джейка вперёд. Мы заходим на мостик.

Почти все уже собрались. У входа в полутени приборов стоит Питер. Чуть поодаль на одном из кресел расположилась Тина. К ней уже присоединились Линда и Вики. Обе выглядят слегка потерянными, что неудивительно, ведь в по-

следние дни перед высадкой к усталости добавляется и едва уловимая тревожность. Капитан Моррис стоит у главной консоли с планшетом в руках и что-то читает. Не видно только Макса. Наверное, опять завис где-то со своими проводами.

— Приступим, господа, — начинает Моррис, откладывая в сторону планшет. — Согласно расчётному времени, мы прибудем на место в девять тридцать вечера. Планету будет видно плохо, передают геошторм. На компьютер надежды нет, так что придётся нам ещё разок переночевать здесь, а после уж осмотреться. Если погода позволит, то первую высадку планируем на следующий день. Полетят Джейк, Линда и Питер. Задача — взять пробы воздуха, присмотреть место для лагеря, выгрузить оборудование, вернуться для осмотра и доложить обстановку. Далее, если всё пойдёт по плану, высаживаются остальные. — Джейк победоносно улыбается и толкает брата под рёбра. Тот демонстративно игнорирует выходку. — И прошу каждого помнить о мерах безопасности, — продолжает капитан. — Разведывательные дроны признаков жизни не обнаружили, но осторожность не помешает. Линда, тебе слово.

Линда делает шаг вперёд.

— Планета условно подходит для создания постоянной колонии. Согласно индексу подобия Земле, уровень жизнепригодности составляет ноль целых девять десятых. Средняя поверхностная температура — тридцать — тридцать

пять градусов. Состав обитаемой зоны близок к нулю. Атмосфера присутствует, если воздух чист, то сможем дышать. Давление также близко к земному, правда, поначалу может немного закладывать уши. И да, там может показаться мрачновато, но думаю, мы быстро привыкнем. Наша цель — подробнее изучить это место для будущей колонии. Работаем по плану. Берём образцы, пробы породы, воздуха, возможных ископаемых, всего, что найдём. У нас три недели, чтобы хорошенько осмотреться.

Глава учёных всегда говорит коротко, чётко и по делу. Опыта ей не занимать, насколько мне известно, она уже двадцать шесть лет в космосе. Вики повезло с наставницей.

В каюту проскальзывает Макс. Дверь за ним закрывается так же бесшумно. Кажется, его замечаем только я и Питер.

— Я что-то пропустил? — вполголоса спрашивает он стоящего ближе к выходу Питера. Тот шёпотом пересказывает услышанное. Макс несколько раз кивает в ответ и задумчиво трёт подбородок.

— Макс, за тобой навигация, — обращается к нему капитан, от которого не ускользнуло позднее появление инженера на мостике. — Джон, ты на подхвате. Джейк, готовься к вылету. Также прошу всех сегодня до конца дня пройти обязательный медицинский осмотр. Генри. — Моррис поворачивается ко мне. — Составьте ещё один отчёт перед первой высадкой. Пусть на Земле убедятся, что мы тут все живы-здоровы. На этом всё.

— Есть, капитан, — отвечаю я, мысленно радуясь, работа поможет скоротать денёк. — Я начну осмотр в четыре.

— В шесть буду у вас, док, как договаривались, — выходя в коридор, бросает мне через плечо Джейк.

В воздухе чувствуется лёгкое возбуждение. Человек устаёт от космоса, как ребёнок от слишком трудной головоломки, которая ему пока не по плечу. В эти часы каждый из нас заново проживает и переосмысливает оставшиеся позади месяцы полёта. Близость цели высвечивает пройденный путь. За два года мы успели повзрослеть и теперь нервничаем от предстоящей встречи с планетой и со своим новым «я».

Через несколько минут ропот стихает и мостик пустеет. Я, кивнув капитану, ухожу последним. Спешить мне некуда, у экипажа много работы. Идти сразу в кабинет для осмотра нужды нет, и я останавливаюсь у иллюминатора. Есть время поразмышлять.

Поначалу нам тяжело было найти общий язык. Как бы ни старались психологи подбирать экипаж по своим бесконечным карточкам, тестам и умным книжкам, все мы разные, и каждый по-своему переносит полёт. В четырёх стенах всем непросто, особенно новичкам, а у нас их трое. Вики, Питер и Тина летят впервые. Интерес к космическим просторам быстро сменяется пониманием их невозмутимости и хладнокровной бесконечности. Через две-три недели полёта, вахт, смен и отчётов космос начинает давить, человек уходит в себя, замыкается, начинает меньше контакти-

ровать с окружающими. Через это проходят все. Психологи окрестили этот период «вторым рождением» — временем, когда каждый учится жить в новых условиях. В контракте об этом ни слова, но каждый, кто решается на длительные экспедиции, знает об этом. К слову, ребята молодцы — держатся друг друга. Не сразу, но они подружились. Молодые годы сближают. Позже, правда, к ним присоединилась и Линда, она постарше, но общение с юными первооткрывателями, как их называет Моррис, явно пошло ей на пользу. Они тянутся друг за другом.

В первую фазу бодрствования мы частенько сталкивались с непониманием, а иногда и излишней раздражительностью. Макс замыкался в себе, тяжело переносил шутки братьев, не всегда способных держать язык за зубами, но после привык и даже начал порой улыбаться. Во вторую фазу Джон стал приносить выпивку, и они могли вопреки уставу до полуночи сидеть у Макса в каюте и рассуждать о том, какие панели удобнее для навигации. Порой присоединялся к ним и капитан, он любил вспоминать ранние годы, полёты и учёбу в академии. Питер частенько любил с ним поспорить, дело понятное — кровь кипит. Стоит отметить, что Моррис всегда с ним терпелив. Выслушивает, объясняет, подсказывает, как и должно быть. Когда остаёшься один на один с людьми и космосом, приходится учиться идти на компромиссы, договариваться, вместе решать проблемы. В космосе важно говорить и быть услышанным — капитан отлично это понима-

ет, поэтому и позволяет порой не смотреть в сторону устава и правил. Тут, наверху, слишком тихо, для того чтобы создавать ещё большую тишину. Я не люблю шума, но всё же считаю, что голос человека должен просто быть. Мы и так слишком часто молчим.

Все мы разные и на мир смотрим так же. Даже если этот мир ограничен размерами корабля и одним на всех, неизменным видом из иллюминатора. Даже смотря в одном направлении, мы делаем это по-разному. Питер очень ждал возможности взглянуть на ГЛИЗЕ-М, постоянно говорил о новых открытиях и строил всевозможные теории о будущем этого места. Макс уверял нас в том, что все планеты похожи друг на друга, о том, что все вокруг переводится в цифры и пару незамысловатых предложений на бумаге. Такой порядок вещей его вполне устраивал, хотя я уверен, что в глубине души Макс тонко чувствует этот мир, но лучше понимает его в цифрах и бесконечных подсчётах. Вики первое время очень стеснялась и старалась держаться вместе с Линдой, но к третьему бодрствованию стала теснее общаться с Питером и Тиной. Вместе с Питером они частенько рассуждали о том, что ждёт нас впереди. Я и сам не заметил, как сблизился со всеми. Это оказалось даже проще, чем представлялось поначалу. Я часто завтракаю с капитаном, его спокойствие помогает мне сосредоточиться. Мне всегда приятно пообщаться с Питером, он умный, воспитанный и рассудительный. Его желание докопаться до сути вещей откликается

во мне и заставляет вспомнить годы, казалось, бесконечной юности, стремлений и надежд. Вместе с остальными я стал радоваться остроумию Джона и Джейка. Хорошая шутка — отличная возможность рассеять тишину. Такая вот особенная для меня терапия.

Все мы разные, но связь появляется всегда, её видно, словно радугу после неожиданно пролившегося летнего дождя. Всему нужно время, а здесь его предостаточно. Два года, сжатые до трёх с половиной месяцев бодрствования, остаются двумя годами вдали от дома. Какую бы идеальную гравитацию ни разработали инженеры, мы чувствуем, как отдаляемся от Земли, и начинаем искать что-то значимое здесь, уделяя всё больше внимания чему-то нематериальному. Можно сказать, что у нас тут своя гравитация. Её не рассчитать и не выработать с помощью умных машин. Космос бесконечен и способен сделать так, чтобы мы почувствовали необходимость быть ближе. Он учит многому и накапливается внутри каждого. Не яд, но и не панацея. Просто ещё один элемент в нашей системе бытия, где радость и восторг новичков неизбежно сменяются рутиной. День за днём мы ждём высадки. Звезды тускнеют, мрак остаётся. Человек меняется, ещё никуда не долетев. Сам путь часто сложнее последнего шага к цели. Путь, а не цель меняет нас.

***

Остаток дня я провожу за работой.

Мой кабинет чуть больше обычной каюты, но мне здесь нравится? Потому что здесь тихо. Тишина сопровождается лишь лёгким гулом оборудования — вакуумом, способным растворять мысли и размывать прошлое.

Стандартный осмотр занимает около тридцати минут. Первыми приходят Питер и Тина. Питер, как всегда, бодр, благодаря давно выработанной привычке ходить в зал, а вот Тина жалуется на появившееся недавно головокружение. Причина ясна. Корабль начинает торможение, физически мы этого не ощущаем, но головокружение, тошнота и мышечные боли возможны. Я советую ей выполнять дыхательные упражнения и гимнастику, высылаю инструкцию на её персональный компьютер, а затем отпускаю ребят.

Через несколько минут раздаётся стук в дверь.

— Можно? — слышу я голос капитана.

— Да, входите. Присаживайтесь. Как себя чувствуете? — спрашиваю я, беру образец крови и запускаю экспресс-анализ.

— Всё хорошо, Генри. Спасибо. Жалоб нет. Как остальные?

— Вы пришли одним из первых. Питер в норме, а вот Линде нездоровится, но это поправимо.

— Молодым смелости не занимать, — улыбается капитан. — Первый полёт сродни крещению. Правильно сделали, что начали рано — вся жизнь впереди, многому успеют научиться. Ну что там у меня? — Моррис кивает на появившиеся на экране результаты анализов.

Я просматриваю показатели.

— Отклонений нет. Всё в порядке.

— Значит, ещё полетаем, — кивает в знак благодарности Моррис. — Я могу идти?

— Если жалоб нет, вы свободны. Я прикреплю всё необходимое в вашу личную карту.

Чуть позже появляется Макс. Он выглядит притихшим.

Я начинаю осмотр. В любом другом случае я бы провёл парочку психологических тестов, но Макс есть Макс. Так устроен его мозг. Когда он думает, то из него слова не вытянешь.

— Что-то случилось? — осторожно интересуюсь я.

— Нет-нет, — бормочет он себе под нос. — Последние проверки…

— Понимаю, не забудь отдохнуть. — Я подписываю протокол. Как по мне — Макс в норме.

— Да, конечно, ещё целая ночь впереди, — соглашается он. — Спасибо, Генри.

Линда и Вики тоже приходят вместе. На корабле быть с кем-то в порядке вещей. Люди здесь особенно остро чувствуют одиночество, поэтому и ищут того, кто подставит плечо и

просто побудет рядом. Мы, словно роботы, что жмутся друг к другу в огромном тёмном контейнере посреди пустыни. Линда — научный руководитель Вики. Именно Линда, как старшая по званию, настояла на том, чтобы девушка полетела с нами. Для Вики это первая дальняя экспедиция, она достаточно юна, мечтательна и порой застенчива, поэтому и старается быть ближе к своей наставнице, которая оберегает её словно родную дочь. Что ж, подобная забота вкупе с преемственностью — дело стоящее. Нам необходимо поддерживать и развивать молодёжь. Частенько я вижу Линду и Вики в компании Питера и его супруги. Одним словом — клуб учёных. Осмотр и стандартные процедуры по протоколу проходят быстро и без затруднений.

Последними появляются близнецы. Словно подчёркивая свою недавнюю победу, Джон уверенно и с улыбкой входит первым. Согласно правилам осмотра пилотов, я начинаю с ЭЭГ и вестибулометрии. Первым во вращательное кресло, по одобрительному кивку, сопровождаемому ухмылкой брата, садится Джейк.

— Ну, вот я и дома, — радостно восклицает он. — Прости, братишка, место тут только для одного.

Джон сдаёт прессорную пробу и становится в позу Ромберга. Я даю необходимые команды и заношу данные в компьютер. Затем братья меняются местами. Я задаю несколько вопросов о самочувствии.

— Всё отлично, док. К полёту готовы, — бравирует

Джейк.

— Точнее, я готов, братишка, вставай в очередь, — подмигивая мне, перебивает его Джон. — Док, а кто вас осмотрит? У нас тут вроде нет врача для врача?

— Никто, — спокойно отвечаю я, не отрываясь от записей. — Я сам слежу за собой и так же, как и вы, регулярно обследуюсь.

— Тогда мы спокойны, но, если что, мы за вами присмотрим, — тоном врача говорит Джейк.

Убедившись, что последние пациенты в норме, я отпускаю ребят. Рабочий день подошёл к концу. Я выключаю оборудование и с радостью возвращаюсь в каюту к оставленной на полке книге.

Возможность побыть наедине с книгой всяко лучше горсти таблеток и монотонного голоса психотерапевта. Таблетки, гипноз и бесконечные разговоры чистят разум, но не душу. Кому как не мне знать об этом. Я и пациент, и врач. Нелепо! Как и то, что пилюль для души ещё не изобрели — увы, не к тому стремится человечество со всеми своими амбициями, не туда направляет свою неуёмную энергию и иссушающую жажду. Душевнобольным остаются книги, а еще призрачная надежда унять тревогу и залатать раны. Зато каждый может выбрать историю, что сотрёт пустоту внутри. Знакомый шелест страниц помогает мне унять жар, стереть пепел, заглушить шёпот и даже собрать валяющиеся на дороге камни прошлого.

Мои размышления прерывают белые всполохи огней по ту сторону иллюминатора. Я поднимаю взгляд поверх страниц. Это не сигнал тревоги. По всему периметру корабля раздаётся голос бортового компьютера.

«Скорость снижена. Корабль прибыл в пункт назначения».

Глава 3

Планету мы увидели не сразу — прогноз не врал, её укрыл от наших глаз мощный геошторм, что не редкость в здешних местах. На второй день, после того как мы проснулись, из НАСА прислали уточнённую метеосводку. По прогнозам, за восемь часов до запланированного выхода на орбиту ГЛИЗЕ-М должен был произойти мощный выброс на ГЛИЗЕ-581 — материнском красном карлике. Так и случилось, наши радары засекли бурю, однако нам она не навредила. Мы находились достаточно далеко и приближались к цели с другой стороны квадранта, поэтому на борту всё работало в штатном режиме, как электроника, так и люди. К рассвету орбита прояснилась — шторм терял свою хватку.

Что ж, привычка рано вставать — дело хорошее. Утром я первым оказываюсь у общего иллюминатора. Мы частенько коротаем здесь время с Питером. Смотрим на звезды и болтаем. Юноша с увлечением рассказывает мне о своих планах, делится идеями, философствует о будущем человечества и его месте на просторах известных нам вселенных.

Зыбкий утренний сон остался позади, кофе в руках уже порядком остыл. Я же неотрывно смотрю вперёд, забыв об этой маленькой неприятности.

Без сомнения, космоса в моей жизни было немного, ведь большую часть жизни я провёл во врачебном кабинете, а не

на корабле посреди незнакомых звёзд, да и в космическую программу попал уже далеко не юношей, но всё же замечу, что ничего подобного прежде не видел.

Я дышу ровно и глубоко, хотя мне и требуется приложить чуть больше усилий для каждого вздоха, а ещё я сдавливаю кружку чуть сильнее необходимого — пальцы слегка немеют, я ощущаю лёгкое покалывание, возвращающее меня к реальности.

В бесконечной черноте передо мной висит белый шарик. Контраст с неизбывной чернотой космоса обманывает зрение, планета кажется маленькой и словно вылепленной из бледно-серой глины, застывшей в космической печи миллионы лет назад. Через пару минут глаза привыкают, дискомфорт уходит, и мне удаётся сосредоточиться и точнее рассмотреть поверхность. Там, внизу, явно есть вода и возвышенности — бугорков и неровностей много, а вот водоёмы иного цвета — они чёрные, изломанные, как будто их процарапала хрупкая детская рука. Вокруг планеты висит дымка. От неё исходит слабое пепельное свечение.

— Ведёшь себя прям как турист в первом ряду, док, — раздаётся позади меня голос Питера. — Пришёл раньше меня поглазеть?

— Все мы здесь туристы, — с лёгким скепсисом соглашаюсь я. — Космос нам не дом родной, об этом не стоит забывать. Доброе утро, Питер.

— И тебе. Ну как, нравится красотка? — Питер кивает в

сторону иллюминатора.

— Необычная. Как из глины вылеплена. Bolus Alba.

— Каолин, — с пониманием улыбается Питер. — Я был в Китае, на юго-востоке так называют высокие белые горы, откуда и добывают этот сорт глины. — Гончарным делом увлекаешься? Не знал.

— Я скорее наблюдатель. Мама часами могла медитировать над гончарным кругом. Напевала что-то. Помню, как ловко она вытягивала горлышко у ваз. Так у нас в доме появились всякие глиняные штучки, но я её увлечения не перенял. Терпения не хватило. Но, как видишь, что-то ещё помню.

— И всё же интересное сравнение. Из глины… хм. Узнав, что планируется миссия на ГЛИЗЕ-М, я сразу согласился. Благо, несмотря на время и дальность полёта, Тина меня поддержала. Я надеюсь найти здесь что-нибудь необычное. Всё-таки есть порода и вода, а это уже что-то. Хотя это я так… вперёд забегаю, но не скрою, мне не терпится поскорее взять пробы.

— Успеется, Питер, успеется. Всё приходящее и уходящее. Что мы ещё знаем об этой планете? — вдруг вырывается у меня.

— Немного. По данным зондов, планета необитаема. Там есть вода, это я уже говорил, да ты и сам видишь. Многовато пыли, но жить можно. Кислорода должно быть достаточно. После взятия проб мы узнаем, сможем ли обойтись без ска-

фандров и нет ли в воздухе вредных примесей.

— Что за пыль? Реголит? Как на Луне?

— Не совсем. Лунный реголит возникает в основном в результате спекания лунных пород в момент падения метеоритов. Здесь такое редкость. Там в основном базальт, ильменит, железо и разные минералы…

— А что скажешь про дымку? — Я киваю в сторону иллюминатора.

— Думаю, что это последствия геошторма. По нашим данным, большая часть планеты покрыта этой самой пылью, возможно, из-за шторма она меняет состав в верхних слоях атмосферы. Точно я не знаю. Как только буря минует орбиту, всё придёт в норму, пыль уляжется. Беспокоиться не о чем. Мне пора, док. Славно поболтали.

— Ещё увидимся. — Я машу Питеру рукой. Он славный юноша, влюблённый в своё дело, побольше бы таких.

Да, место необычное. И почему она светится? Нигде раньше я о таком не читал. Может, Питер прав — это явление временное. Он учёный, ему видней. Да и в чём в принципе причина моего беспокойства? Всюду мне мерещится опасность… Голова тяжелеет, виски начинают пульсировать. Недаром Джейк озаботился вопросом о том, кто проводит осмотр врачей. Мне стоит поберечь себя.

Я отхожу от иллюминатора. Обернуться мне не хочется.

***

Чуть больше получаса до первой высадки. По уставу положен предполётный сбор всех членов экипажа. Мы собираемся в тренажёрном зале. Лётная группа почти в полном составе. Мужчины уже пришли. Джейк в оранжевой пилотной куртке выглядит и ходит петухом. Питер заметно волнуется, то и дело трогает штангу и вытирает влажные ладони о светло-серые брюки. Последней появляется Линда. Одетая в чёрный костюм, она выглядит отлично.

— Вы видели её? — с нескрываемым интересом восклицает Тина. — Как снежок!

— Или шарик мороженого, только в космосе. Когда были в Праге, мы с Питером ели такое. Надо было угадать вкус, но у нас не получилось, — подхватывает мысль подруги Вики. — Уверена, в этот раз загадок не останется.

— Смотри не слопай там всё, сладкоежка, — тут же находится Джейк. — А то что нам там всем делать?

В этот момент в зал заходит Моррис.

— Тридцать минут до старта. Каков прогноз по высадке? Геомагнитные условия? Макс, докладывай.

— Погода высадке не помешает, — спокойно, в свойственной ему манере начинает Макс. — Геомагнитные условия в норме. Предполётные тесты пройдены. Отклонений от маршрута нет. По предварительным расчётам, команда вер-

нётся через три с половиной часа. Плюс-минус десять минут на запуск и проверку двигателей. Если пыль внизу осядет, задержек быть не должно.

— Шаттл в норме, капитан, — продолжает Джейк. — Все приборы работают исправно. Необходимое оборудование на борту. Дело за командой. Лично я уже готов.

— Хорошо, — подытоживает Моррис. — Если все готовы, у вас два часа. Берете пробы воздуха, определяетесь с местом для лагеря, разгружаетесь и возвращаетесь.

— Так точно, капитан, — отвечает Питер.

Группа высадки проходит чуть дальше в ангар, остальные расходятся по каютам.

Я же направляюсь в медицинский отсек, оформляю рапорт о последнем осмотре членов экипажа, а затем возвращаюсь в зал. По пути я несколько раз смотрю на всё так же светящуюся ГЛИЗЕ-М. До прибытия группы у меня дел нет, и можно немного потренироваться. В моем распоряжении два турника, гантели и три беговые дорожки. В условиях космоса спорт необходим, если не хочешь растерять форму. Я начинаю с лёгкой разминки, но сосредоточиться у меня не получается. Закончив, я встаю на беговую дорожку. Шаг. Ещё. Быстрее. Ещё. Бег. Не помогает — мне всё так же неспокойно. Возраст, наверное, берёт своё. Новые миры и бесконечные исследования — дело молодых. Вон Питер уверенно идёт вперёд, а я испугался какого-то света.

Я перехожу к силовой тренировке. Через несколько ми-

нут мышцы уже горят, и я быстро сдаюсь. Всё-таки возраст. Выйдя в коридор, я вновь бросаю взгляд в иллюминатор. Белый шарик. Совсем не похож на безобидный снежок, только если своим холодным блеском. Питер, Линда и Джейк уже должны были высадиться. Надеюсь, у них всё идёт по плану. Дойдя до каюты и закрыв за собой дверь, я иду в душевую. Вода тёплая, но я всё же ощущаю лёгкий холодок. У меня в запасе есть ещё больше часа. Читать я не могу, стоит просто полежать. Минут пятнадцать ворочаюсь, а потом проваливаюсь в сон.

Я не могу дышать и не в силах обернуться. Лёгкие разрываются. Впереди в свете взрыва виднеется пролесок, до него метров двести, не больше. Я падаю в недавно выпавший снег. Копоть и кровь превращают его в бурую грязь. Мне кажется, что огонь вот-вот настигнет меня и поглотит, словно огромный красный змей. Я встаю. Бегу. Снова падаю, ползу в сторону. Добравшись до ближайшего дерева, прижимаюсь спиной к его стволу. Вытираю снегом лицо и руки. От холода кровь наконец-то останавливается. Передо мной из огненной чаши поднимается к сереющим небесам чёрный столб дыма. Машина ещё не успела выгореть дотла, но Брюса уже не видно. Я закрываю лицо руками. Горло сдавливает крик. Господи, он мёртв!

Я резко поднимаюсь на кровати. В каюте срабатывает громкая связь.

«Шаттл номер один состыкован».

Через час мы встречаемся на мостике. Линда и Питер появляются первыми. Джейк опаздывает. Наверное, задержался в ангаре.

— Где Джейк? — незамедлительно спрашивает Макс.

— Воркует со своей пташкой, — отвечает Питер, — мы твёрдой почве под ногами радовались, а он — небу.

— Про небо поговорим позже, — мягко останавливает его Моррис. — Линда, как прошла высадка?

— Мы приземлились, как и было запланировано, на плато H-16, — отвечает Линда, сверяясь с информацией на личном планшете. — Но там сильные ветра и много пыли. Было решено отойти в сторону. Мы с Питером пошли пешком, так как не знали, будет ли впереди ровное место для посадки. Джейк остался в шаттле. Мы собрали пробы и решили разбить лагерь в двух километрах от места высадки. Там горы, каньон и почти нет ветра. Я отметила всё на картах, вызвала Джейка по рации и сообщила ему наши координаты. Он добрался достаточно быстро, и мы выгрузили модули и остальное почти по графику. Периметр лагеря составил восемьсот метров. На всякий случай мы сразу поставили датчики периметра. Все прошло хорошо, но из-за погоды взлететь сразу нам не удалось. Сообщать о задержке мы не стали, Джейк пообещал, что отыграет потерянное время. Внештатных ситуаций не было. Пробы воздуха у Питера.

— Точнее, уже в лаборатории, — подсказывает коллеге Питер. — К вечеру я отчитаюсь о результатах.

— Хорошо, Линда. Жду подробного отчёта через два часа, — говорит капитан. — Питер, и от вас тоже. Собрание окончено.

Вечером мы встречаемся за ужином. Моррис сидит у иллюминатора в одиночестве. Перед общей высадкой он выглядит напряжённо. Ничего удивительного в этом нет, экипаж — ответственность капитана. Моррис привык беречь своих ребят. Я даю ему возможность побыть одному и выбираю другой столик.

Чуть поодаль Вики и Тина болтают за чашкой чая. Я подсаживаюсь к ним.

— Питер так долго этого ждал, — делится с подругой Тина. — И, видимо, перенервничал. Закрылся в лаборатории, проторчал там до вечера, а позже пришёл и пожаловался на головную боль. Немудрено! Генри недавно дал мне таблетки от мигрени — пришло время поделиться.

— Не переживай, дорогая, — отвечает Вики. — Завтра он выйдет на свежий воздух и всё забудет.

— Если его состояние ухудшится — пусть приходит в медотсек, — обращаюсь я к Тине.

— Хорошо, спасибо, я ему передам, — улыбается мне Тина.

— Как твои приступы? Повторялись? — спрашиваю я.

— Пока нет. Надеюсь, внизу мне станет легче. Никак не могу привыкнуть к отсутствию гравитации, — пожимает плечами Тина.

К нам за столик садится Макс. Я знаю его не так давно, но его способность появляться вот так, из ниоткуда, порой пугает.

— Всем доброго вечера, — здоровается он.

Из-за его плеча выглядывает Джон и жестом просит инженера подвинуться. Тот молча выполняет просьбу.

— Где твой брат, Джон? — спрашиваю я. — Что-то его до сих пор не видно. С ним всё хорошо?

— Не могу ничего точно сказать, док. Я видел его мельком по возвращении. Он прошёл к себе в каюту. Даже не поздоровался. После я не стал заходить, думал, он уснул. Наверное, ещё спит.

— Генри, — обращается ко мне закончивший ужинать Моррис. — Как закончите с ужином, зайдите, пожалуйста, к Джейку. Узнайте, всё ли в порядке.

— Да, капитан, — отвечаю я.

***

После ужина я, как и было обещано, иду к Джейку. По пути меня нагоняет Макс.

— Постой, Генри, — окликает он меня. Я останавливаюсь. — Подбодри там нашего парня. Завтра важный день!

— Обязательно, Макс, — отвечаю я и иду дальше.

Стены коридора бликуют и словно сжимаются от едва видимого свечения, исходящего от планеты. На миг мне хочет-

ся поскорее оказаться в каюте, но это ощущение быстро проходит.

Я нахожу Джейка лежащим на кровати. Поначалу мне кажется, что он спит. Я не решаюсь будить его и оглядываюсь. Повсюду висят чертежи шаттлов. На столе насыпаны кислотно-зелёные фантики от жвачки. Компьютер включён, но не активен. Одежда валяется на полу вместе с обувью. В углу торчит оранжевый пилотный шлем. Каюта — это твой маленький мир вдали от дома.

Джейк открывает глаза. На самом деле он и не спал.

— Генри? — растерянно смотрит на меня юноша.

— Привет, Джейк! Как ты? Мы ждали тебя на мостике, потом за ужином. Всё хорошо?

— Всё хорошо, — эхом отзывается первый пилот. — Просто устал немного. Уже вечер? И как я проспал ужин… Джон… Он, наверное… наверное, искал меня? Где он?

— Джон в столовой с остальными. У тебя точно все в порядке? — переспрашиваю я. — Мы можем пройти в медотсек, если нужно.

— Нет-нет, в этом нет необходимости. Я в норме. Немного кружится голова, но я в норме. Давно не летал — организм привыкает. Позже я сам доложу капитану.

— Кружится голова? — Я настораживаюсь. — Головная боль? Провалы в памяти?

— Ничего такого. Просто, наверное, резко взял вверх при взлёте и не рассчитал нагрузки. Я отосплюсь, да и всё, —

щурясь на свет, говорит Джейк. — Но, если что, первым буду в медотсеке. Тебе не о чем беспокоиться. Для твоего спокойствия — первым пилотом завтра будет Джон, а я побуду запасным.

— Ты точно сможешь лететь? Если нужно, я поговорю с Моррисом, и мы отложим вылет.

— Нет-нет, завтра всё будет отлично.

— Как скажешь. Отдыхай. Думаю, Джон захватит тебе ужин, — говорю я и выхожу из каюты.

С наступлением ночи искусственный свет в коридоре становится более приглушенным, так экипажу проще ориентироваться в сутках. Опустившийся на стены сумрак подсказывает мне, что Питер был прав, пыль осела, а с ней ушло и неприятное свечение. Я ловлю себя на мысли о Джейке.

Почему он так странно смотрел на меня? Что было в его взгляде? Растерянность? Дезориентация? Может, так и правда сказался первый за долгое время вылет?

Вернувшись к себе, я решаю почитать, но сосредоточиться у меня не получается. Отложив книгу в сторону, я ложусь спать.

Ночь проходит без сновидений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.